

Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин

С.И. Фокин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
sifokin@mail.ru

Биографическая статья, посвященная жизни и деятельности крупного отечественного гидробиолога и зоолога К.М. Дерюгина, написана на основе знакомства не только с опубликованными, но и с неизданными архивными материалами, а также интервью с его современниками. Впервые жизненный путь ученого рассматривается с позиций создания «живой биографии», где на первый план выходит не перечисление и разбор научных работ, а личность их автора. Статья предвзает публикацию дневника студента К.М. Дерюгина 1899 года. Значительная часть фотографий, иллюстрирующих текст, малоизвестна.

Ключевые слова: К.М. Дерюгин, гидробиология, Санкт-Петербургский университет, зоология, биология моря, морские биологические станции.

Константин Михайлович Дерюгин (1878–1938) — отечественный зоолог, гидробиолог и океанолог, приобретший благодаря своим научным трудам всемирную известность. Он также замечательный и неутомимый организатор и путешественник, талантливый педагог, создатель нескольких биологических станций на Белом, Баренцевом морях и Тихом океане, активный участник организации трех научных институтов и одного музея. По масштабу научной и общественной деятельности, вероятно, всего несколько человек в отечественной гидробиологии могут сравниться с этим ученым: Н.М. Книпович (1862–1939) и С.А. Зернов (1871–1945) из его современников и Л.А. Зенкевич (1889–1970) из следующего за Дерюгиным поколения.

Конечно, большинство интересующихся биологией моря знакомы с научными трудами Константина Михайловича. Как правило, с именем Дерюгина в биологическом сознании ассоциируются внушительный том «Фауна Кольского залива и условия ее существования» (Дерюгин, 1915)¹ и факт организации в 1920 г. Биологического института в Петергофе, а затем, в 1929-м — кафедры гидробиологии Ленинградского университета (Правдин, 1957; Мазурмович, 1960; Вернидуб и Кобякова, 1969; Макарова, 1970; Фокин, 2002а, 2004, 2006). Несмотря на всеобщее признание заслуг Дерюгина, до сих пор было мало попыток осветить историю его жизни более подробно,

К.М. Дерюгин. Ленинград, 1925. Архив С.И. Фокина

¹ Эта монография была защищена Дерюгиным в 1915 г. как докторская диссертация.

чем это принято в некрологах и юбилейных публикациях (Соловьев, 1939; Тимонов и др., 1947; Гурьянова, 1949; Ушаков, 1971). Задача данной статьи — напомнить некоторые малоизвестные страницы биографии К.М. Дерюгина и попытаться обрисовать фигуру ученого в первую очередь как личность, в меньшей степени касаясь его научных заслуг. Она предваряет публикацию в этом же номере журнала дневника молодого Дерюгина, участвовавшего в 1899 г. в переносе Соловецкой биологической станции на Мурман. Это едва ли не единственный из сохранившихся дневников ученого, где внешним (не связанным с наукой) событиям уделено решающее место. При весьма незначительном обнаруженном до сих пор эпистолярном наследии ученого этот дневник не только ценное свидетельство важного события в истории русских морских биологических станций, но и документ, позволяющий нам лучше понять личность самого Константина Михайловича.

27 января 1878 г. (по старому стилю), близ Изборска, у владельцев имения Колосовка, коллежского советника дворянина Михаила Дмитриевича Дерюгина и его жены Людмилы Степановны, родился мальчик, крещенный в Петропавловском соборе Пскова Константином². В этом уютном уголке псковской земли Костя по большей части и провел первые 9 лет жизни, а когда пришла пора учиться, поступил в Псковскую губернскую гимназию.

Ученики Псковской губернской гимназии с преподавателем. Стоят справа: третий — К.Н. Давыдов, пятый — К.М. Дерюгин. Псков, 1896. Архив Г.К. Дерюгина

Общее гимназическое образование тогда включало 7 классов. Для поступления в университет необходимо было учиться на год дольше. Таким образом, с учетом подготовительного класса, Константин Дерюгин провел за партой 9 лет и окончил гимназию весной 1896 г.

Как отмечено в его аттестате, прилежания он был усердного и любознательности достаточной. К слову сказать, естествознания как такового в Псковской гимназии тогда не было, и любознательность Костя проявлял, в основном, к истории, географии и французскому языку, по которым имел отличные оценки. По остальным предметам его усердие было оценено на четверки или тройки³.

Очевидно, что основные интересы его были вне гимназии: уже с третьего класса

Константин Дерюгин становится главным помощником известного орнитолога-самоучки Н.А. Зарудного. Со своим наставником, товарищами по гимназии, прежде всего с К.Н. Давыдовым (1877–1960) — будущим известным эмбриологом и сравнительным анатомом и зоологом, Дерюгин постоянно совершал экскурсии по окрестностям

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 22634. Л. 4.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22634. Л. 3.

Пскова: охота и наблюдения за жизнью обитателей леса — вот чем была заполнена жизнь подростков. Однажды страсть к охоте едва не стоила мальчикам гимназических билетов: они столкнулись за городом с кем-то из начальства, а иметь ружья гимназистам было строго запрещено. По воспоминаниям К.Н. Давыдова, в 14 лет они с Дерюгиным даже предприняли попытку убежать в Америку, но были с позором возвращены с ближайшей железнодорожной станции (Бляхер, 1963).

В дальнейшем дороги Дерюгина и Давыдова разошлись, хотя оба они одновременно закончили естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ) и стали известными учеными. Тем не менее два Константина начали свой путь в науку с увлечения именно орнитологией.

Первая опубликованная работа студента второго курса Дерюгина (он поступил в университет осенью 1896 г.) называлась «Орнитологические исследования в Псковской губернии» (Дерюгин, 1897). В ней по результатам четырехлетних наблюдений и сборов Константином Михайловичем было отмечено 260 видов птиц. Любопытно, что уже в этой первой своей работе он пытается акцентировать внимание на биологических и экологических особенностях орнитофауны, разделяя ее на озерную, таежную и луговую.

Живая природа в годы обучения в университете по-прежнему манила Дерюгина: во время летних каникул 1897 г. он едет в Тобольскую губернию, где исследует животный мир среднего и нижнего течения реки Оби, а также путешествует по Северному Уралу (Дерюгин, 1898). На следующий год он совершает более чем двухмесячное путешествие по юго-западному Закавказью и окрестностям Трапезунда (Турция). Результаты этой поездки были опубликованы в 1899 г. в объемной статье под заглавием «О путешествии и зоологических исследованиях в Чорохском крае и окрестностях Трапезунда» (Дерюгин, 1899).

Серьезность зоологического и естественно-научного образования и богатство полевых навыков молодого исследователя, продемонстрированные в статье, буквально бросаются в глаза. Дерюгин дает в этой работе подробный географический и геологический очерк увиденных мест. Он делает сборы и наблюдает за жизнью пресмыкающихся, рыб, амфибий, беспозвоночных, не забывая, конечно, своих любимых птиц. Поездка в Трапезунд, однако, не приносит удовлетворения. «Благодаря дикому воображению и неуместной подозрительности турецких чиновников я лишен был возможности совершить весьма много обещающие в научном отношении поездки», — отмечал Дерюгин (Дерюгин, 1899, с. 50). Говоря проще, при сходе с парохода Константин Михайлович был арестован как подозрительный иностранец, и только вмешательство русского консула помогло ему освободиться и вернуть часть вещей, реквизированных при аресте. Тем не менее Дерюгин привез из Азии значительные коллекции, подаренные им Зоологическому музею Императорской Академии наук и университету.

Было бы преувеличением сказать, что наука поглощала К.М. Дерюгина без остатка. Общительный, «веселый малый» — по определению одного из студенческих коллег Дерюгина, Б.Е. Райкова⁴, — он живо интересовался общественной жизнью университета и, по-видимому, активно в ней участвовал. Так, он был в рядах демонстрантов перед Казанским собором 4 марта 1897 г. и «за нарушения порядка на улицах столицы

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 893. Оп. 2. Д. 29.

и неповиновение распоряжениям полиции» просидел в участке 3 дня⁵. За участие в студенческих волнениях во время годовичного акта 8 февраля 1899 г. Дерюгин, как и многие студенты, распоряжением ректора В.И. Сергеевича был исключен из университета, правда, всего на две недели⁶.

Несомненно, Константин Михайлович был в рядах демократически настроенной части студенчества, однако политической деятельностью во время обучения в университете, как, например, его младший коллега Б.Е. Райков, будущий известный историк науки, Дерюгин не занимался. Наука всегда была для него на первом месте. Позднее он напишет: «Прогресс всякой науки безграничен, и каждый ученый по мере своих сил и способностей должен содействовать этому прогрессу» (Правдин, 1957, с. 3).

На естественном отделении физико-математического факультета университета тогда были собраны первоклассные преподаватели: зоологию читали В.М. Шимкевич и В.Т. Шевяков, физиологию — Н.Е. Введенский, гистологию — А.С. Догель, химию — Д.П. Коновалов и Н.А. Меншуткин, геологию — А.А. Иностранцев, метеорологию — А.И. Воейков⁷. Дерюгин стремился получить как можно больше от своих учителей — в его университетском дипломе практически одни пятерки.

Орнитологические интересы, естественно, привели Дерюгина в Зоологический кабинет, где со второго курса он начал специализироваться под руководством известного зоолога и эволюциониста В.М. Шимкевича (1858–1923). Разделение между зоологами позвоночных и беспозвоночных тогда не было столь определено, и часто студенты брали темы в обоих кабинетах. Достаточно сказать, что Шимкевич как специалист всю жизнь занимался беспозвоночными. Таким образом, фауна беспозвоночных была знакома Дерюгину столь же хорошо, как и птицы.

В 1899 г., еще студентом, Дерюгин впервые едет на север — на Соловецкую биологическую станцию и принимает участие в переносе ее на Мурман. Так в один сезон Дерюгин познакомился и с Белым, и с Баренцевым морями — местами, где в дальнейшем ему пришлось столь плодотворно работать. Позднее Константин Михайлович вспоминал:

«В первых числах июня <...> прибыли на Соловки, где в течение 10 дней укладывали имущество станции. Последнее оказалось не особенно многочисленным — оно состояло из одного шкапа, посуды, книг, реактивов, небольшой коллекции беломорских животных и нескольких снарядов для ловли морских животных. Из Соловков станционеры вместе с имуществом Станции вернулись в г. Архангельск <...> 19 июня означенные лица выехали из г. Архангельска на Мурман и прибыли в Екатерининскую гавань 22-го утром, как раз накануне открытия г. Александровска» (Дерюгин, 1906, с. 45)⁸.

Собственно научная деятельность в этот первый год на Мурмане ограничилась одним месяцем и протекала при неблагоприятных погодных условиях, но даже в непогоду Север — есть Север. Всякому бывавшему там знакомо очарование неброской, а за Полярным кругом временами и суровой природы. Она, несомненно, притягивает

⁵ Архив Санкт-Петербургского государственного университета (Архив СПбГУ). Д. 893. Л. 10.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 22634. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 61. В дневнике 1899 г. упаковка имущества станции описана Дерюгиным несколько иначе.

к себе. Так случилось и с К.М. Дерюгиным — в последующие 25 лет (исключая время войн и революций) он постоянно работал на Мурмане. Его первые впечатления от Баренцева моря сохранились в дневнике 1899 г.:

«Не доходя Святого Носа, мы встретили много льдов, но они были не сплошные, и пароход мог кое-как пробираться среди льдов, разбивая те, которые невозможно было обойти. Картина получилась в высшей степени величественная. Была ночь, но незаходящее солнце из-за туч освещало гонимые ветром льды; немного дальше к востоку виднеются сплошные ледяные поля. Я стоял на носу и любовался, как нос парохода разрезает отдельные льдины. С шумом раскалывается льдина, и отдельные куски, бороздя и пеня изумрудно-зеленую воду, отскакивают в сторону»⁹.

Тем не менее до полного гидробиологического поворота в научных интересах Дерюгина оставалось еще несколько лет. Пока же после окончания полевого сезона из Колы он совершает переход до Кандалакши через Лапландию и по пути собирает коллекцию лапландских птиц — такие путешествия были молодому ученому уже не в новинку. Общение с природой — существенная составляющая научных поездок Константина Михайловича. В своем дневнике 6 августа 1899 г. он записал:

«Страсть к сильным впечатлениям, к созерцанию дивных картин природы, нетронутой еще цивилизацией и ее культурой, природы девственной и оригинальной, то чарующей своею красотой, то наводящей грусть своим однообразием и бедностью, то пугающей своей дикостью, влечет меня в лапландские тундры, представляющие для истинного любителя природы неисчерпаемый материал для наблюдения, познания и восхищения ее красотами».

Помимо специальных работ, необходимых для получения диплома I степени, все студенты тогда сдавали и экзамены. В 1900 г., после успешной их сдачи, Дерюгин заканчивает университет с дипломом I степени и по представлению факультета остается при зоологическом кабинете для приготовления к профессорскому званию. В представлении факультету, в связи с этим, профессор Шимкевич писал: «Будучи студентом, Дерюгин напечатал 5 работ по орнитологии. Во время прохождения курса он помогал при ведении практических занятий и составил каталог зоологических коллекций кабинета, причем исполнял эту работу безвозмездно». На черновике представления есть приписка и профессора В.Т. Шевякова (1859—1930), руководителя зоотомического кабинета: «Со своей стороны могу добавить, что считаю К.М. Дерюгина серьезным работником и весьма полезным для зоологического кабинета»¹⁰.

Наступает пора работы над магистерской диссертацией. В качестве темы диссертации Дерюгин выбирает развитие костистых рыб. Тема эта была начата им еще на последнем курсе университета, когда он впервые поехал за границу с научной целью. В лаборатории Вильгельма Ру в Галле летом 1900 г. он провел 2 месяца, занимаясь под руководством профессора Менетта (Фокин, 2002а).

Несмотря на наличие собственного имени, семья Дерюгиных не считалась богатой (у Дерюгина было еще две сестры и брат)¹¹. На последнем курсе он даже был освобожден

⁹ Эта и следующая цитаты — из дневника К.М. Дерюгина 1899 г., публикуемого в этом номере журнала.

¹⁰ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 5.

¹¹ Старший брат К.М. Дерюгина Георгий также закончил физико-математический факультет ИСПБУ и впоследствии был членом Государственной Думы.

от платы за обучение, а сразу по окончании университета поступил преподавателем естествознания на реальное отделение знаменитой гимназии К.И. Мая¹². Среди его учеников там был будущий академик, известный гистолог А.А. Заварзин (1886–1945), который позже тепло вспоминал своего первого учителя биологии (Невмывака, 1971).

Группа участников XI съезда естествоиспытателей. Нижний ряд (слева направо): В.А. Вагнер, В.М. Шимкевич, В.Т. Шевяков, А.Н. Северцов; средний ряд: ?, П.П. Иванов, С.В. Аверенцев, ?, П.П. Сушкин, ?, К.М. Дерюгин; верхний ряд: ?, И.И. Полянский, К.Н. Давыдов, П.Ю. Шмидт.
Петербург, декабрь 1901. Архив Г.К. Дерюгина

Зиму Константин Михайлович проводил в Петербурге, а летом продолжал свои исследования за границей: в 1901 г. это был Вюртцбург, где он работал у профессора Соботта в знаменитой лаборатории Келликера (Дерюгин, 1902). В мае 1902 г. он едет на Неаполитанскую зоологическую станцию Антона Дорна, где ставит опыты по развитию рыб в искусственных условиях (Фокин, 2006). В этом же году Дерюгин утверждается хранителем зоологического кабинета и получает гражданский чин коллежского секретаря. Его работа над диссертацией продвигается успешно, однако на два сезона, 1903 и 1904 гг., Дерюгина полностью захватывают работы на Мурмане (Дерюгин, 1904, 1905, 1906). В этом смысле важно отметить, что перед организационными работами на Мурмане Дерюгин имел возможность в деталях познакомиться с такой первоклассной морской зоологической станцией, как Неаполитанская, где он проработал 2 месяца. Опыт ее организации и функционирования был, безусловно, полезен и частично использован на Мурманской биологической станции (Фокин, 2006).

Там впервые всего лишь 25-летний молодой человек проявляет себя как умелый и удачливый организатор и администратор. Большинство работ, позволивших за два

¹² Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 31.

сезона почти полностью оборудовать станцию, были организованы лично Дерюгиным, который также числился на ней лаборантом, и проводились при его непосредственном участии и наблюдении (Фокин и др., 2006). Постройка полупалубного бота «Орка», устройство водопровода для пресной и морской воды, станционная мебель, устройство аквариальной пристани, отделка главного дома — вот неполный перечень сделанного им за два летних сезона при содействии двух сотрудников университета — Д.И. Дейнеки и С.М. Розанова, действительного члена Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (ИСПБОЕ) Д.К. Глазунова (младшего брата известного композитора) и трех студентов — Н.А. Бирули, С.Н. Савельева и В.А. Догеля¹³. В качестве рабочего и повара экспедицию оба сезона сопровождал служитель зоологического кабинета ИСПБУ И. Прокофьев. Бригада строителей, занимавшаяся отделкой станционного дома: плотники, каменщик и чернорабочие, — набиралась в Архангельске лично Дерюгиным (Фокин и др., 2006)¹⁴.

В.А. Догель, тогда студент третьего курса, так описал начало поездки на Мурман в письме к родителям:

«Ехали весело <...> Дерюгин предоставил в общее распоряжение чемоданчик с дюжиною яиц, ветчиной из собственных имений (из своих собственных окороков, как мы смеялись над ним), солониной и прочей снедью <...> Все время мы только и делали, что болтали, хохотали, закусывали и распивали чай, за что К.М. прозвал всю компанию „мамонтами-ненасытными“ <...> Кондуктор относился к нам с большим уважением, называя нас постоянно „господами охотниками“»¹⁵.

Добираться тогда до Мурманна было непросто — целое путешествие. Сначала ехали до Ярославля (впоследствии использовался прямой путь на Вологду), потом до Архангельска и далее пароходом вокруг Кольского полуострова, что в общей сложности занимало около 5 дней.

Дружная работа под руководством Дерюгина позволила в кратчайшие сроки подготовить станцию к работе. Официальная церемония открытия Мурманской биологической станции ИСПБОЕ состоялась 29 июня 1904 г., и вскоре Дерюгин передал назначенному комиссией общества заведующему станцией С.В. Аверинцеву (1875–1957) бразды правления. Через полмесяца В.А. Догель, работавший в тот год на Мурмане, писал родителям:

«Во всяком случае, я страшно доволен тем, что был здесь во время заведования станцией Дерюгиным, потому, что без его энергии, предприимчивости и жизнерадостности жизнь на станции была бы в 10 раз хуже. Стоит сравнить с ним Аверинцева. Этот последний так тяжел, так кисел и неподвижен, что я не завидую будущим обитателям станции»¹⁶.

Грянувший 1905 год также внес коррективы в научные планы Константина Михайловича, — университет закрыли на неопределенное время, и вся активность

¹³ ПФА РАН. Ф. 960. Оп. 1. Д. 50. Л. 29.

¹⁴ Записная книжка К.М. Дерюгина, 1904 г. Архив автора статьи. Об этом см. также письмо В.А. Догеля родителям за 1903 г. Ваш любящий Валя. В.А. Догель (1882–1955). Письма домой / под ред. С.И. Фокина. М.: КМК. С. 87–90.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 960. Оп. 1. Д. 50. Л. 27, 28.

¹⁶ Там же. Л. 39.

Дерюгина была направлена на общественную деятельность (прежде всего на работу в образованной ассоциации профессоров и ассистентов). Профессор А.С. Догель писал сыну, находившемуся тогда на Неаполитанской станции: «Дерюгин страшно увлекается, постоянно присутствует на всяких собраниях, совещаниях и пр. и абсолютно ничего не делает и не бывает в лаборатории»¹⁷.

К.М. Дерюгин с коллегой во время Зоологического конгресса в Бостоне (?). 1907. Архив Г.К. Дерюгина

Впрочем, так продолжалось лишь до весны, когда Дерюгин отправился в Лейпциг, где в спокойной обстановке продолжил исследования по развитию парных плавников костистых рыб. Два следующих сезона Дерюгин продолжал работать в Лейпцигской лаборатории Рабля, а в конце лета 1907 г. участвовал в Международном зоологическом конгрессе в Бостоне (Дерюгин, 1907). Там он сделал свой первый доклад по фауне Кольского залива и ее изучению на Мурманской биологической станции, — это направление станет для Дерюгина главным на следующее десятилетие и завершится защитой докторской диссертации в 1915 г.

Пока же он был снова занят Мурманской станцией, а точнее — постройкой для нее исследовательского судна «Александр Ковалевский», на что потребовалось почти два года. Торжественное освящение 40-тонной шхуны произошло 14 мая 1908 г., а 12 июня судно вышло в плавание из Санкт-Петербурга на Мурман вокруг Северной Европы. Команда шхуны состояла из 7 человек. Кроме того, в переходе участвовали трое сотрудников и два студента университета. К.М. Дерюгин хотел непременно совершить этот переход лично, но тиф не позволил ему осуществить эту мечту полностью: выписавшись из больницы, он догнал судно только на середине пути — в Тронтхейме¹⁸. Вторую половину путешествия Константин Михайлович — руководитель перехода — успешно завершил 1 августа в Екатерининской гавани города Александровска на Мурмане. За 25 ходовых суток шхуна прошла 2360 миль, четырежды попадала в серьезные шторма и показала очень хорошие мореходные качества. Через два дня «Александр Ковалевский» под начальством Дерюгина уже вышел из Александровска в первый научный рейс.

В марте 1909 г. на общем собрании Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей К.М. Дерюгин сделал доклад «Переход шхуны „Александр Ковалевский“ из

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 923. Оп. 3. Д.118. Л. 116.

¹⁸ «Лишь 11-го VII я выехал <...> из Петербурга на пароходе в Стокгольм, — писал в дневнике К.М. Дерюгин, — а 16-го вступил на яхту в Тронтхейме. Итак, отсюда начинается мое странствие и вот теперь новый „Челенджер“ может оправдать свое название! Попробуем свои силы, и с доброй судьбой за работу!» Тронтхейм, 18 VII 1908 г. Пятница. — Записная книжка К.М. Дерюгина, 1908 г. Архив Г.К. Дерюгина.

Петербурга на Мурман и работы на ней в Кольском заливе»¹⁹. Позднее в статье, посвященной этому переходу, ученый писал:

«Я и мои спутники навсегда сохранили самые светлые воспоминания об этом исключительном путешествии. Поразительные по красоте картины природы в норвежских фиордах развертывались перед нами одна за другой по мере движения на север. Душевные переживания различных моментов плавания на такой небольшой яхте запечатлелись на всю жизнь» (Дерюгин, 1910).

В конце декабря 1908 г. за труды по организации станции и постройке исследовательского судна «Александр Ковалевский» К.М. Дерюгин был награжден золотой медалью почетного председателя ИСПБОЕ Великого князя Александра Михайловича, а в январе 1909 г. — орденом Св. Станислава III степени.

К.М. Дерюгин за резкой на микротоме.
Петербург, около 1905. Архив С.И. Фокина

Небольшого роста, плотного телосложения, чуть картавый, Дерюгин был чрезвычайно подвижен, энергичен и, как теперь говорят, пассионарен. Он был музыкален — прекрасно играл на фортепиано²⁰; хорошо владел немецким и французским языками

¹⁹ Труды Имп. С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 1909. Т. 40, вып. 1. Протоколы заседаний № 2—3. С. 146.

²⁰ «Дерюгин и Соколов сажались за рояль, и начинался импровизированный концерт в четыре руки. Репертуар был преимущественно классический. Например, были исполнены все симфонии Бетховена и множество других произведений» (Полянский, 1997. С. 58). Приведенный отрывок относится к воспоминаниям Ю.И. Полянского о 20-х гг. XX в. в Петергофском естественно-научном институте.

и весьма слабо знал английский²¹; увлекался спортом и, конечно, охотой, которую полюбил с детства.

«Лучшим, почти единственным своим отдыхом он считал охоту, — вспоминали коллеги Константина Михайловича. — Или даже просто прогулку по лесу, обычно ранним утром. И те, кому случалось сопровождать его, помнят, с каким наслаждением вслушивался он в пение просыпающихся птиц <...> Другим видом отдыха для него была музыка, которую он понимал и очень любил» (Тимонов и др., 1947, с. 10).

Некоторые писавшие о Дерюгине люди указывали, что он обладал мягким нравом, но, видимо, это было не совсем так. Когда дело касалось работы, он часто бывал строгим и даже жестким, и, по оценке хорошо его знавшего А.А. Любищева, имел «исключительно властный характер»²². «Дерюгин, — вспоминал Любищев, — был очень талантливым и энергичным исследователем наших морей. Это был живой, увлекающийся своим делом человек. По своим научным интересам он был вполне „конкретным“ зоологом, чуждым всякого научного „философствования“. Он готов был прийти на помощь товарищу, но не терпел противоречий» (Любищев, 1966).

Достаточно упомянуть, что и с первым заведующим станции, С.В. Аверинцевым, и со сменившим его Г.А. Клюге (1871–1956) у Дерюгина, как у члена Ученого совета станции, а потом и его председателя (1923–1929), были конфликты. Они были связаны, очевидно, с собственным видением путей развития станции, в которую он вложил столько труда и любви.

Разобраться теперь в истинных причинах возникших конфликтов невозможно. Не исключено, что в случае с Аверинцевым конфликт отчасти мог быть инспирирован и личной антипатией или скрытым соперничеством. Аверинцев и Дерюгин были однокурсниками, но первый (находясь в определенном подчинении у Дерюгина) уже в 1906 г. был магистром зоологии, Дерюгин же защитил магистерскую диссертацию лишь в 1909 г.

Противостояние с Г.А. Клюге приняло наиболее острую форму во время III Всероссийского съезда зоологов, гистологов и анатомов (Ленинград, 1927). Речь шла о статусе Мурманской станции, которая с начала 1925 г. получила ранг независимого учреждения и подчинялась тогда напрямую Главнауке. Вот как вспоминал об этом эпизоде участник событий А.А. Любищев:

«Должен отметить, что он [съезд. — С.Ф.] закончился большим скандалом и, в сущности, закрытие его было сорвано при моем участии <...> Дело шло о конфликте между заведующим Мурманской биологической станцией, моим другом Г.А. Клюге, и профессором К.М. Дерюгиным. МБС в то время была подчинена Главнауке, а Дерюгин и поддержавшие его большинство членов Общества естествоиспытателей (ленинградского, но поддержали и москвичи) хотели, чтобы она снова перешла к Обществу <...> Но переход к обществу означал полное подчинение весьма энергичному, но и весьма деспотичному Дерюгину, что будет во вред Мурманской станции, с действительно самостоятельным директором, которым был Клюге <...> Была принята резолюция (предложенная кажется Б.М. Завадовским) о том, что

²¹ При поездке на VII Зоологический конгресс в Бостоне, США (1907) Константин Михайлович не раз сожалел о плохом знании языка. — Записная книжка К.М. Дерюгина, 1907 г. Архив Г.К. Дерюгина.

²² ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 159. Л. 3.

следует избрать комиссию для разбора дела. Принятие резолюции вызвало такое негодование президиума, что он покинул зал, и формального закрытия съезда не было. Но вся эта история дошла до Главнауки, и вопрос о переходе станции в ведение Общества естествоиспытателей был снят»²³.

К сожалению, пока мне почти не удалось найти частной переписки К.М. Дерюгина, а именно в письмах человек раскрывается в полной мере. Полевые же дневники Константина Михайловича, сохранившиеся в семье его внука Георгия Константиновича, в значительной степени носят деловой, специальный характер.

Как уже упоминалось, Дерюгин не был компромиссной фигурой, его отношения с коллегами складывались не одинаково ровно и, как в жизни любого человека, были подвержены эволюции. Как натура безусловно цельная, вряд ли он вел себя принципиально по-разному с разными людьми. Среди его ближайших и постоянных друзей был, например, «милейший и добрейший» В.А. Догель, который в университете слыл эталонным порядочности и неконфликтности (Фокин, 2002б, 2007). С некоторыми другими отношения Дерюгина претерпевали охлаждение, теперь трудно сказать по чьей вине. Показательно в этом отношении письмо, написанное Константином Михайловичем В.Т. Шевякову, одному из его учителей по университету, в январе 1911 г. Причина упоминаемого в письме разлада в отношениях между ними неизвестна. Формальным поводом для этого послания был переход Шевякова на работу в Министерство народного просвещения в качестве товарища министра. В этой связи Дерюгин, только что вышедший из больницы, писал:

«Имею возможность поздравить Вас и от души пожелать Вам успеха. В тяжелое, смутное время принимаете Вы бразды правления. Хотелось бы верить, что Вы сумеете помочь найти путь для мирного разрешения создавшегося острого положения; поможете всем своим разумением и добрым сердцем выйти из того тупика, куда загнала Высшую Школу политика ваших предшественников <...> Так как в университете Вы не бываете, а на квартиру к Вам заходить в виду отношения ко мне со стороны Вас и вашей семьи за последние годы считаю для себя невозможным <...> Хотелось бы лично побеседовать с Вами и попрощаться на долгие годы, может быть и навсегда. Пути наши разошлись, и вряд ли мы будем где-либо встречаться. Теперь, на прощание, хотелось бы сказать Вам, что отношение это меня и удивляло, и глубоко огорчало. Никогда не забуду я и оставление при Университете, и Неаполь, и поездку в Америку и многое, многое другое.

P.S. Я может быть еще повидая Вас в воскресенье, если буду чувствовать себя не очень слабым. Но торжественность официального прощания не подходит для выражения того, что изложено в этом письме»²⁴.

Любовь Константина Михайловича к живой природе, которая, несомненно, была страстью Дерюгина, определила во многом его фантастическую активность — за свою сравнительно короткую жизнь он провел более 50 экспедиций. Этот романтический налет путешествий, сохранившийся, видимо, еще с мальчишеских лет, при всей взрослой прагматичности жизни профессора Дерюгина, был ее основным стержнем.

²³ ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 171. Л. 5.

²⁴ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1029. Оп. 1. Д. 89. Л. 34.

Как уже упоминалось, Константин Михайлович был человеком жизнерадостным, с активной жизненной позицией, может быть, отчасти, воспринятой им от его прямого учителя В.М. Шимкевича. Тот часто говаривал: «Нытьем да жалобами не поможешь. Прежде всего, надо работать и бороться — тогда забудешь все невзгоды» (Фокин и др., 2006, с. 31). По крайней мере, Дерюгин всю жизнь следовал этому девизу.

В ноябре 1909 г. Дерюгин наконец защищает магистерскую диссертацию «Строение и развитие плечевого пояса и грудных плавников у костистых рыб». Оппонентами на защите выступили оба его учителя по зоологии: профессора В.М. Шимкевич и В.Т. Шевяков. Чуть раньше (в октябре) Константин Михайлович женится на

дочери полковника Синельникова (впоследствии Ташкентского генерал-губернатора) Надежде Михайловне — студентке Смольного института благородных девиц. Возможно, он читал там лекции, хотя штатным лектором в это время Дерюгин состоял на Высших женских естественно-научных курсах Лохвицкой-Скалон.

Весьма любопытно, что согласие на брак сотрудника университета должно было в то время исходить и от ректора. В деле Дерюгина сохранилось прошение: «Обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорной просьбой разрешить мне вступить в брак. 28 октября 1909 года К. Дерюгин» и ответ на него из канцелярии университета: «...со стороны Санкт-Петербургского университета препятствий к вступлению Дерюгина в брак с дочерью полковника девицей Надеждой Михайловной Синельниковой не встречается»²⁵. В 1911 г. у четы Дерюгиных родился единственный сын Константин, в будущем известный океанолог.

Свой первый приват-доцентский курс «Жизнь моря» — по сути, курс гидробиологии — Дерюгин начал читать в университете весной 1910 г. В том же году он совершает

К.М. Дерюгин на охоте. Псков, 1915 (?).
Архив Г.К. Дерюгина

специальную поездку в зоологические музеи Берлина и Вены с целью более полной обработки коллекций, собранных в Кольском заливе.

Надо отметить, что часть коллекций Зоологического кабинета находилась тогда уже не в главном здании университета на Стрелке Васильевского острова, а на его 16-й линии в доме 29. Именно там, в 1929 г., была основана Дерюгиным кафедра гидробиологии Ленинградского университета, до сих пор занимающая часть этого здания.

В последние мирные годы К.М. Дерюгин продолжает активную преподавательскую деятельность: в 1912 г. он избран профессором Психоневрологического института, а вскоре (1913) и Высших женских (Бестужевских) курсов. В письме своему

²⁵ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 51, 53.

коллеге Л.С. Бергу Дерюгин так описывает начало своей деятельности в «женском университете»:

«С нынешней осени начал лекции на Высших Женских курсах. Лаборатория и музей оказались в полном разгроме. Пришлось все снова создавать. Теперь понемногу все налаживается. Трудно представить до какой степени там зоология была принижена. Знаний по позвоночным абсолютно никаких и я прямо с экзамена прогоняю до 90%»²⁶.

Освящение шхуны „Александр Ковалевский“. Слева направо, сидят: А.А. Иностранцев, Л.Э. Шимкевич, Л.А. Шевякова, В.М. Шимкевич. Стоят: К.М. Дерюгин, И.И. Боргман, П.В. Никитин, ?, Ф.Е. Тур, ?, В.Т. Шевяков, С.И. Метальников (слева возле мачты), В.А. Ковалевский (справа возле мачты), А.И. Вилькицкий, Ф.Я. Чистович, ?, И.П. Бородин, ?. Фотография К.К. Буллы. СПб., 14 мая 1908 г. ПФА РАН. Ф. 300. Оп. 1. Д. 134

Читал он лекции также в Горном и Лесном институтах. Странно, что в университете профессиональный рост Дерюгина протекал не так гладко: до осени 1917 г. он оставался приват-доцентом и лишь в сентябре был утвержден в штатной должности доцента, а профессором стал уже при новой власти только в 1918 г. Между тем, 3 мая 1915 г. в стенах родного университета он блестяще защищает свою докторскую диссертацию «Фауна Кольского залива и условия ее существования», оппонентами на которой были В.М. Шимкевич, М.Н. Римский-Корсаков и В.А. Догель, к тому времени уже ставший профессором (Фокин, 2002а)²⁷.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 234. Л. 6.

²⁷ В 1919 г. за исследования, проведенные на Мурмане, Дерюгин получил университетскую премию им. Ильенкова.

Впереди были годы активной экспедиционной работы на Севере и Дальнем Востоке; организация Гидрологического (1919) и Биологического (1920) институтов; участие в организации и развитии Северной научно-промысловой экспедиции (1920), которая со временем превратилась в институт Арктики и Антарктики, и многое другое. Но сначала произошла революция 1917 г., разрушившая может быть и не лучший, но привычный уклад жизни, расколовшая жизнь россиян на «до» и «после».

Празднование 25-летия научно-педагогической деятельности В.М. Шимкевича. СПб, 1911.

Сидят (слева): Ф.Е. Тур (второй) и далее — К.М. Дерюгин, А.С. Догель, В.М. Шимкевич и В.И. Палладин. Стоят (слева): П.П. Иванов, ?, А.А. Заварзин, Д.И. Дейнека, В.Д. Зеленский, Д.К. Третьяков, А.В. Немилов, А.А. Гавриленко, ?. Архив С.И. Фокина

Человеку сегодняшнего дня трудно себе представить то время. Начало XX в., расширение чудес коммуникации: радио и телефонной связи, автомобиля и самолета. Это было время появления кинематографа — «великого немого». Это был, наконец, и расцвет Серебряного века русской культуры. Все это нам известно, но нами не пережито... Для поколения же К.М. Дерюгина это были признаки реальной жизни — жизни, происходившей на их глазах, жизни, в которой они участвовали. Перед тем была Русско-японская война, результаты которой потрясли все мыслящее русское общество, а итогом стала революция 1905 года. Потом — Первая мировая, обернувшаяся для России новой революцией, страшной Гражданской войной и террором «народной власти», — жизненный опыт, который не сравним ни с чем, бывшим до или после. Еще не зная, что ждет Россию впереди, в ноябре 1914 г. Константин Михайлович писал профессору Л.С. Бергу:

«Научная работа идет нынче вяло. Известия с театра военных действий поглощают много внимания и лишают необходимого спокойствия. В интересную эпоху родились мы с Вами!

Пережили Японскую войну, революцию, конституцию, а теперь предстоит перекройка всей карты Европы. То-то Вам, географам, заботы!»²⁸

В 1900 г. Дерюгину — 22 года, в 1917-м — 39 лет — расцвет жизни. Штатный доцент Петроградского университета, профессор Высших женских курсов и Психоневрологического института, К.М. Дерюгин смело смотрел вперед. Он знал, чего хотел достигнуть в науке, и был уверен, что сможет это осуществить. При Временном правительстве (1917) исследования Дерюгина на Баренцевом море удостоиваются большой Макарьевской премии Российской академии наук.

Захват власти большевиками в октябре того же года резко изменил российскую действительность. Ломка всего государственного устройства, начатая новой властью, не обошла стороной и высшую школу. В начале 1917 г. Петроградский университет, в лице своего Совета, поддержал Временное правительство. 3 марта в резолюции экстренного заседания Совета университета было записано: «Совет выражает твердую уверенность в том, что свободная Россия во главе с новым правительством приложит все усилия к победоносному окончанию грозной мировой войны и тем обеспечит торжество нового порядка». Однако уже 26 ноября другое, экстренное заседание Совета, записывает следующие решения:

«По предложению ректора почтена вставанием память погибших при обстреле Павловского и Владимирского юнкерских училищ юнкеров, часть коих была студентами Петроградского университета; великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства <...> Служители науки и просвещения готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Россия возлагает на Учредительное собрание»²⁹.

Эти упования, как известно, не оправдались — Учредительное собрание так и не начало своей работы.

Видимо, однако, перспективы обновления России вначале были столь заманчивы, а любимое дело так притягивало к себе, что К.М. Дерюгин не решился покинуть родину, как сделало большинство его ближайших родственников.

Литература и документы о революционном Петрограде (1917–1918) дают представление о жизни в столице того времени. Жили трудно, голодно, часто не зная точно, что происходит не только в стране, но и в соседнем районе. Видимо поэтому, весной 1918 г. Дерюгин с семьей — матерью, женой и 6-летним сыном уезжает из дома на 16-й линии Васильевского острова, где у него при зоологическом музее, положившем начало будущей кафедре гидробиологии, была квартира. Ехали под Псков, в свое бывшее имение, которое мало пострадало в революцию. Впереди было лето, до осени занятий в Университете не предполагалось, — можно было немножко отдохнуть и подкормиться. Однако эта поездка вылилась в изрядное приключение.

Вот что писал Дерюгин из Колосовки в сентябре 1918 г. ректору университета (тогда одного из трех, образовавшихся в Петрограде) А.А. Иванову:

«Весеннее немецкое наступление застало меня на даче под Псковом. Выехать не удалось, тем более, что через нашу местность прошли все три отступающие армии, разоряя все на своем

²⁸ ПФА РАН. Ф. 804. Оп. 2. Д. 234. Л. 6 об.

²⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30, 111.

пути. Нас причислили к немецкой Лифляндии, граница которой проходит теперь по краю нашего фамильного поместья <...> Еще в июле я подал коменданту Изборска прошение о пропуске в Петроград для чтения лекций, но до сих пор не получил ответа <...> С апреля не получено ниоткуда жалования и нахожусь с семьей в бедственном положении <...> Можно было бы пробраться с контрабандистами, но тогда на мою семью падет тяжелая кара, так как я у всех немцев на виду. Доходят до нас слухи о страшном терроре в Петрограде. Если благодаря ему и голоду занятий в Университете не будет, то, может быть, я мог бы пока и не ехать в Петроград»³⁰.

Только в декабре через комиссариаты Народного просвещения и Иностраных дел Союза коммун Северной области, как тогда официально именовалась советская власть в Петрограде, удалось вытребовать Дерюгина «из-за границы». Тем временем 2 ноября декретом Совета Народных Комиссаров ему было присвоено, наконец, звание профессора.

Большая часть кипучей энергии Дерюгина после возвращения в Петроград была направлена на создание новых естественно-научных институтов. Основы этого начинания ученые успели заложить еще при старом режиме. В 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Российской академии наук, в которую входил цвет петроградской профессуры. А.М. Горьким вскоре была основана «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук».

В 1919 г. К.М. Дерюгин участвует в создании Гидрологического института и начинает, совместно с рядом своих университетских коллег, думать о создании биологического института в природе. В качестве опыта он создает Ораниенбаумско-Петергофскую экскурсионную станцию, располагавшуюся близ Ораниенбаумского спуска между Новым и Старым Петергофом, в постройках дворца принца Ольденбургского. Это начинание, кстати, позволило Константину Михайловичу воссоединиться с семьей. Его домочадцы после отступления немецких войск из Пскова оказались в Риге, для выезда откуда Дерюгину удалось выхлопотать им пропуска только в 1919 г., так как Надежда Михайловна была назначена заведующей хозяйственной частью станции. Эта гидробиологическая станция просуществовала лишь один сезон, но явилась хорошей репетицией для создания на следующий год естественно-научной станции в Старом Петергофе (Сергиевка)³¹.

«Давно мечтая о создании гидробиологической станции в окрестностях Петрограда, — писал в 1921 г. Дерюгин, — я думал, что экскурсионная станция могла бы сослужить рекогносцировочную службу. Мои надежды до некоторой степени оправдались; я говорю „до некоторой степени“ потому, что неожиданный арест мой 5 сентября 1919 года прервал начатые исследования. После освобождения из тюрьмы 21 сентября начались холода, и экскурсии уже не давали того богатого материала, который мы имели летом» (Дерюгин, 1921, с. 1)³². Несмотря на тревожную обстановку вокруг Петрограда и в самом городе, идея создания института для изучения природы в природе все более обретала реальные черты³³.

³⁰ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 145.

³¹ Почти одновременно (1920) при активном участии Дерюгина была основана и Стрельнинская морская и гидробиологическая станция (Рябова, Смирнов, 2006).

³² За 1918–1919 гг. было арестовано более 30 профессоров и преподавателей университета (некоторые по несколько раз).

³³ Протоколы заседаний Комитета Постоянной естественно-научной станции Петроградского университета в Петергофе. 02.02.1920–20.08.1921 г. — Архив автора статьи.

С 1919 г., согласно новой учебной программе, Дерюгин начинает читать на факультете курс «Гидробиология», а параллельно занимается созданием Географического музея. Направление этой работы, активно развернувшейся также весной 1920 г., полностью совпадало с идеей изучения природы в природе. Было принято решение об устройстве географического музея-парка, для чего выбрано одно из царских поместий по Петергофской дороге — Михайловка, недалеко от Стрельны. Там были развернуты коллекции Константина Михайловича, собранные на Белом и Баренцевом морях, и крупные панорамы-макеты, а в подвалах предполагалось устроить морской и пресноводный аквариумы, которые бы служили прекрасным дополнением к географическому парку. К сожалению, в 1922 г. ситуация переменилась, и музей был выселен в город, где, однако, еще просуществовал до конца 30-х гг.³⁴

Большая заслуга в создании и активной работе этого уникального учреждения принадлежала Дерюгину. Он не только снабдил музей собственным коллекционным материалом, но и возглавил его морской отдел, организовав прекрасные диорамы «Птичьи базары Мурмана и Новой Земли», «Дно Кольского залива», «Коралловый риф», «Побережье залива Де-Кастри в Татарском проливе», «Дно пресного водоема» (Семенов-Тянь-Шанский, 1947, 2009).

Значительно более удачное и долговечное начинание Дерюгина — основанная весной 1920 г. Естественно-научная Петергофская станция, вскоре превратившаяся в Естественно-научный институт (ПЕНИ) и существовавшая до 2010 г. как Биологический институт СПбГУ в Старом Петергофе (БиНИИ). Время создания станции — весна 1920 г. — голодная, военная пора. Чтобы попасть в Петергоф, был нужен специальный пропуск властей, и часто Дерюгин проделывал путь из Петрограда на станцию в военном штабном вагоне. В деле Константина Михайловича сохранилось любопытное прошение, направленное весной 1920 г. в управление Петергофского уезда: «Как председателю хозяйственного комитета станции мне необходимо иметь при себе велосипед для разъездов»³⁵. Дерюгин, занимавшийся разнообразными видами спорта, видимо, освоил и велосипед, который был ему выделен петергофскими властями.

С 1 июня 1920 г. 12 лабораторий станции начали свою деятельность, и в течение первого лета там поработало, включая студентов, уже свыше 200 человек³⁵. Дерюгин был сначала заместителем директора, а вскоре стал директором института и оставался на этом посту до 1930 г., когда ПЕНИ организационно полностью вошел в систему университета. С институтом связана и еще одна славная глава научных исследований Дерюгина — изучение гидрологии и гидробиологии Невской губы и Финского залива. Эти работы проводились совместно с Гидрологическим институтом, где Константин Михайлович был в том же 1920 г. ученым специалистом, старшим гидрологом и позже заместителем директора, руководителем гидробиологического и морского отделов.

Поистине удивительно, как этого человека хватало на все! Как только заканчивается Гражданская война, Дерюгин возобновляет экспедиции на Север. В июне

³⁴ Центральный географический музей открылся в Петрограде 10 июня 1923 г. и помещался сначала на канале Грибоедова в особняке Дурдина, а с 1929 г. — в особняке Бобринских на Галерной (Красной) улице.

³⁵ Отчет о деятельности Петергофской Постоянной естественно-научной станции Петроградского университета за 1920 г. // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. 1921. Т. 51, вып. 1. № 7–8. С. 115–146. Собственно в Сергиевке (Старый Петергоф), где в дальнейшем располагался Петергофский естественно-научный институт, работало тогда 8 лабораторий, остальные занимали часть помещений в Александрии (Новый Петергоф).

1921 г. на Мурман Г.А. Клюге, заведующему Мурманской станцией, он отправляет телеграмму: «Готовьте помещения и плавсредства для работы. Выезжаем двадцать человек. Дерюгин»³⁶. Любопытно, что в нишей России 1921 г. администрация железной дороги бесплатно предоставляет Дерюгину с сотрудниками и студентами вагон, правда, не классный, как запрашивал начальник экспедиции, а теплушку. На Мурмане возобновляются знаменитые разрезы (гидробиологические и гидрологические исследования) по Кольскому меридиану. Далее следует несколько сезонов работ на Белом море, итог которой — книга «Фауна Белого моря и условия ее существования» (Дерюгин, 1928), удостоенная премии Наркомпроса (1930). Созданный Дерюгиным в 1931 г. стационар Государственного гидрологического института близ Умбы на Терском берегу много способствовал планомерному изучению Кандалакшского залива и Белого моря в целом (Фокин и др., 2006). В это же время под руководством Константина Михайловича ведется изучение прибрежных районов и реликтовых озер Новой Земли (экспедиции 1923 и 1924 гг.). В 1925 г. по приглашению Дальревкома Дерюгин едет на Дальний Восток, где организует Тихоокеанскую научно-промысловую станцию Дальрыбы, впоследствии превратившуюся в ТИНРО. Деньги, высланные с Дальнего Востока для поездки, запаздывали, и Дерюгин с тремя сотрудниками едет на свои, забрав из дома все и заняв для домашних 60 рублей у В.А. Догеля³⁷.

С этого года его захватывает изучение Дальневосточных морей, хотя в 1927 г. он успевает поработать еще и на Черном море. Японское море — заливы Посыет, Ольга, Владимир, Советская гавань, Де-Кастри, Амурский лиман становятся на несколько лет полем деятельности исследователя. Затем следуют Охотское, Берингово и Чукотское моря (Дерюгин, 1933).

В 1925 г. за свои морские исследования Дерюгин был награжден Русским географическим обществом медалью Литке. Невиданными в истории морских исследований были сезоны 1932–1933 гг., когда под руководством Дерюгина в Дальневосточном регионе одновременно работало 6 крупных исследовательских судов (Дерюгин, 1933; Засельский, 1984). «Фауна Дальневосточных морей и условия ее существования» осталась ненаписанной, но гигантский сравнительный материал по гидробиологии и гидрологии этого региона был собран и обработан по программе и под руководством К.М. Дерюгина.

В начале 50-х гг. XX в. на биолого-почвенном факультете ЛГУ профессором В.А. Догелем, близким другом Константина Михайловича, читался курс «История биологии». Валентин Александрович так охарактеризовал Дерюгина в своих лекциях:

«Мы замечаем одну особенность Дерюгина, которая впервые проявилась на устройстве Петергофского института, это то, что Дерюгин был прирожденным организатором. Это был организатор, который брался без страха за любое трудное дело в области своей науки и безустанно работал над ним, до тех пор пока не достигал успеха. Его не пугали многочисленные осечки... он продолжал быть оптимистом и продолжал организовывать одно учреждение за другим»³⁸.

³⁶ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 147.

³⁷ Записная книжка К.М. Дерюгина, 1925 г., архив Г.К. Дерюгина.

³⁸ Архив автора статьи. Конечно, тут Догель ошибся — впервые организаторские способности Дерюгина стали очевидны еще в 1903–1904 гг. при обустройстве биологической станции

Эти свойства Константина Михайловича знали и ценили его коллеги и ученики. Недаром в 1927 г. он был выдвинут на должность ректора университета. Можно не сомневаться, что в лице Дерюгина университет приобрел бы замечательного руководителя, но вторая половина 20-х гг., время начала советизации науки и высшей школы, оказалось не лучшим для «старой профессуры». В университетском деле профессора сохранился протокол заседания физико-математического факультета по выборам кандидата на ректорскую должность К.М. Дерюгина. К нему приложена характеристика Константина Михайловича, составленная с характерными для того времени оборотами речи и подписанная рядом профессоров, в том числе Ю.А. Филипченко и А.Е. Ферсманом:

«Профессор К.М. Дерюгин является одним из наиболее крупных научных зоологов и хорошо известен своими научными трудами не только в СССР, но и за границей. Что касается до его общественной физиономии, то она хорошо знакома всем работающим за последние 25 лет в Университете, так как К.М. Дерюгин еще со студенческих времен принимал самое горячее и активное участие в реформах Университета. Он был одним из самых энергичных сторонников переустройства старого дореволюционного Университета на новых началах в смысле расширения прав младших преподавателей и студенчества в академической жизни... Соединяя в себе с организаторским и административным талантом чрезвычайный такт и широкое общественное отношение к делу, проф. К.М. Дерюгин как нельзя более подходит в настоящее время к занятию поста Ректора Университета. Справедливость последнего ясно видна из того, что 70 % голосов профессорской и преподавательской курии было подано именно за этого кандидата»³⁹.

К сожалению, тогда уже дело часто решали не профессора, а партийные студенты-выдвиженцы. Под их нажимом и несмотря на надуманность упреков, выдвинутых против Дерюгина, Совет голосует 10 голосами против его кандидатуры при 9 голосах «за» и 2 воздержавшихся.

Такому результату, конечно, способствовал открытый и твердый характер Константина Михайловича, который никогда не скрывал своего отношения к происходившей ломке высшей школы. Он отрицательно отзывался о навязанных сверху попытках внедрить постоянную производственную практику студентов, которая якобы приближала науку к реальной жизни, а на самом деле лишь ухудшала уровень подготовки студентов университета. При выборе председателем зоологической предметной комиссии физико-математического факультета на вопрос о партии кадетов, к которой Дерюгин был близок до революции, он в том же 1927 г. твердо и решительно ответил: «Да, хорошая была партия». Таких высказываний новая власть, конечно, не прощала. В 1929 г., очевидно, в связи с «делом Академии наук», в высшей школе также развернулась форменная травля старой профессуры, которая прямо называлась буржуазной и контрреволюционной. В ее ряды среди биологов попали, прежде всего, Дерюгин, Догель и Филипченко.

В университетской газете «Студенческая правда» был опубликован целый ряд явно заказных статей с показательными заголовками: «Ревнители старых устоев и традиций» (о К.М. Дерюгине, П.П. Калашникове, В.А. Догеле, А.В. Швейере, М.Н. Римском-Корсакове); «Хранители традиций царской интеллигенции» (о П.Ю. Шмидте,

на Мурмане.

³⁹ Архив СПбГУ. Д. 893. Л. 170.

М.Н. Римском-Корсакове и К.М. Дерюгине); «На поводу у реакционной профессуры» (о В.Д. Зеленском); «Лекции господина Филипченко» (о Ю.А. Филипченко) (Фокин, 20026)⁴⁰. С этим же политическим нажимом было связано и отстранение Дерюгина от руководства Петергофским институтом по результатам работы проверочной комиссии 1930 г., сразу после празднования 10-летия института, вся программа которого осуществлялась той самой реакционной профессурой. До этого, в 1927 г., институт хотели вообще закрыть, чего, к счастью, не произошло. Однако в 1929 г. заведование кафедрой зоологии было передано А.А. Гавриленко, и Дерюгин остался лишь заведующим музеем. Видимо, создание Дерюгиным кафедры гидробиологии в 1929 г. было продиктовано не только научными потребностями, которые были очевидны, но и административной ситуацией, возникшей вокруг Константина Михайловича.

К.М. Дерюгин с сыном Константином и сотрудниками на Мурмане, 1928 (?).
Архив Г.К. Дерюгина

Научный и общественный вес Дерюгина был столь значителен, что как руководитель кафедры и двух лабораторий в Петергофском институте он сохранил, к счастью, все возможности для продолжения педагогической и научной работы. К этому времени

⁴⁰ П.П. Калашников — ассистент Дерюгина (репрессирован в 1937 г., погиб); А.В. Швейер — ассистент В.А. Догеля (ушел после этого из университета); профессор М.Н. Римский-Корсаков — известный энтомолог, организатор одноименной кафедры в ЛГУ, старший сын знаменитого композитора (ушел после этого из университета); профессор П.Ю. Шмидт — известный ихтиолог, сотрудник Зоологического музея АН СССР (уволен из университета, репрессирован в 1938 г., освобожден в 1939 г.); профессор В.Д. Зеленский — зоолог-паразитолог (умер в 1930 г.); профессор Ю.А. Филипченко — основатель Ленинградской школы генетиков (умер в 1930 г.).

у него уже появилась плеяда учеников. П.В. Ушаков, Е.Ф. Гурьянова, И.А. Киселев, И.Ф. Правдин, В.В. Тимонов, П.П. Ширшов и многие другие стали позднее известными учеными.

Только выдающиеся качества Дерюгина как ученого и человека позволили ему сделать так много за свою преждевременно оборвавшуюся жизнь. Размах и итоги его работ на морях поистине выдающиеся. Под его общим, а во многом и личным, руководством, были организованы свыше 50 экспедиций, позволивших собрать гигантский материал по 12 морям Советского Союза. Недаром период 20–30-х гг. XX в. в отечественной морской гидробиологии часто называют дерюгинским.

К.М. Дерюгин и В.А. Догель (справа на переднем плане) во время работы комиссии по проверке Петергофского Естественно-научного института. Старый Петергоф, 1929.

Архив С.И. Фокина

До последних дней жизни К.М. Дерюгин не снижал исключительно высокого накала своей научной и общественной деятельности. На здоровье он не жаловался: летом в Петергофе с удовольствием играл с молодежью в волейбол, зимой катался на лыжах и коньках, не забывал свою любимую охоту. Хотя с начала 30-х гг. стал ездить и в санатории, обычно в Кисловодск.

В 1935 г. заведующий кафедрой гидробиологии и заведующий лабораторией и кабинетом гидробиологии и ихтиологии К.М. Дерюгин был без защиты диссертации утвержден в ученой степени доктора наук, вновь введенной в СССР. Очевидно, что вскоре ему было бы суждено стать членом или членом-корреспондентом Академии наук (Наумов, 1993). Однако выборы в Академию в 1936–1938 гг. не проводились, и существующая легенда о том, что накануне смерти Константин Михайлович был избран, к сожалению, не соответствует действительности. Выборы в АН СССР состоялись только в январе

1939 г., когда Дерюгина уже не было в живых. Тем не менее характеристики на него, написанные для выдвижения в Академию (1928 и 1933 гг.) в делах канцелярии Академической конференции действительно сохранились⁴¹.

Дерюгин поехал в Москву по делам в начале последней недели декабря 1938 г. Вполне возможно, что поездка, в том числе, была связана и с его возможным избранием в Академию в следующем году, но документальных подтверждений этому пока не найдено. 27 декабря по дороге на Ленинградский вокзал ему, видимо, стало плохо. Он вышел из трамвая, сел на скамейку и умер. Портфель с документами и рукописью очередной книги, бывший с ним, пропал, а самого Константина Михайловича приехавшие в Москву ученики в отдельном вагоне, прицепленном к ленинградскому поезду, привезли в Северную столицу⁴².

Это были, вероятно, одни из последних «настоящих» похорон: от Московского вокзала процессия с гробом на катафалке, запряженным шестеркой белых лошадей с траурным плюмажем, прошла по Невскому проспекту до Университета, где состоялось прощание с покойным. На следующий день та же процессия растянулась по Большому проспекту Васильевского острова. По пути на Смоленское кладбище сделали остановку у Гидрологического института и родной Дерюгину кафедры гидробиологии.

Его соратник по музейному делу, профессор В.П. Семенов-Тян-Шанский, писал:

«Не осталось в живых моего сподручного основателя Географического музея. Уйдя из жизни, он унес с собой и ряд идей о возможном будущем своего морского отдела. Хотя самое существенное я все же успел зафиксировать в моей статье „Идея географического музея“. Был он прекрасным, весьма энергичным, прямым человеком, с которым было очень хорошо и легко работать и при том несомненно очень талантливым и умным, которому музей был чрезвычайно дорог и который единоличными неустанными трудами создал в нем морской отдел, очень высоко ценившийся всеми учеными и рядовыми посетителями музея, а также школами всех ступеней» (Семенов-Тян-Шанский, 2009, с. 351).

Путь на Смоленское кладбище оказался для К.М. Дерюгина не последним. Так как кладбище предполагали закрыть, родственники перед Отечественной войной перезахоронили прах Дерюгина на Волковом кладбище. Там он лежит и поныне в соседстве с Д.И. Менделеевым, В.М. Бехтеревым, А.Н. Бекетовым, Д.В. Насоновым, В.А. Догелем и многими другими замечательными деятелями отечественной науки и культуры. Нам остались научные труды Константина Михайловича, его идеи, кафедра, где до сих пор существует дерюгинская научная школа, — то, ради чего живет и работает каждый крупный ученый.

Я благодарен внуку Константина Михайловича, Георгию Константиновичу, за интерес к моей работе и предоставленную возможность ознакомиться с семейным архивом и использовать ряд документов оттуда. Я признателен также А.В. Смирнову за внимательное прочтение текста статьи и сделанные замечания.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 131.

⁴² События излагаются согласно устным рассказам М.М. Белопольской, студентки Дерюгина и участницы его похорон, и А.П. Андрияшева, также участника этих событий. Практически так же описал смерть и похороны Константина Михайловича его коллега по Центральному географическому музею В.П. Семенов-Тян-Шанский (2009).

Я с благодарностью вспоминаю ныне покойных Марию Михайловну Белопольскую, профессора кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ, рассказавшую мне о событиях конца 1938 г. и сотрудников ЗИН РАН — профессора Анатолия Петровича Андрияшева и Елену Ивановну Андросову, поделившихся в свое время со мною воспоминаниями о К.М. Дерюгине.

Литература

- Бляхер Л.Я.* Константин Николаевич Давыдов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 243 с.
- Вернидуб М.Ф., Кобякова З.И.* Гидробиология и ихтиология в университете // Вест. ЛГУ. 1969. Т. 3. Сер. Биол. Вып. 1. С. 79–86.
- Гурьянова Е.Ф.* Профессор К.М. Дерюгин // Вест. ЛГУ. 1949. Т. 1. № 8. С. 81–92.
- Дерюгин К.М.* Орнитологические исследования в Псковской губернии // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1897. Т. 27, вып. 3. С. 19–38.
- Дерюгин К.М.* Путешествие в долину среднего и нижнего течения реки Оби и фауна этой области // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1898. Т. 29, вып. 2. С. 47–140.
- Дерюгин К.М.* О путешествии и зоологических исследованиях в Чорохском крае (Юго-западное Закавказье) и окрестностях Трапезунда // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1899. Т. 30, вып. 2. С. 49–115.
- Дерюгин К.М.* Отчет о заграничных поездках летом 1900 и 1901 гг. // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1901. Т. 32, вып. 4. С. 47–63.
- Дерюгин К.М.* Отчет по оборудованию Мурманской Биологической Станции и летние зоологические работы на ней в 1903 г. // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1904. Т. 35, вып. 1. С. 1–26.
- Дерюгин К.М.* Отчет по оборудованию Мурманской Биологической Станции и летние работы на ней в 1904 году // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1905. Т. 36, вып. 1. С. 1–32.
- Дерюгин К.М.* Мурманская Биологическая Станция. 1899–1905 // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1906. Т. 37, вып. 4. С. 1–66.
- Дерюгин К.М.* VII Международный зоологический конгресс // Справочный листок биолога. 1907. № 16–17; 23–24. С. 241–248; 379–392.
- Дерюгин К.М.* Переход яхты «Александр Ковалевский» из С.-Петербурга в порт Александровск на Мурмане // Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1910. Т. 41, вып. 1. С. 45–60.
- Дерюгин К.М.* Фауна Кольского залива и условия ее существования // Зап. Акад. наук по физико-матем. отд.-нию. Пг., 1915. Сер. 8. Т. 34. № 1. С. 1–929.
- Дерюгин К.М.* Ораниенбаумско-Петергофская гидробиологическая экскурсионная станция // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1–13.
- Дерюгин К.М.* Фауна Белого моря и условия ее существования // Исследования морей СССР. 1928. Вып. 7–8. С. 1–511.
- Дерюгин К.М.* Исследование дальневосточных морей // Природа. 1933. № 10. С. 32–37.
- Засельский В.И.* Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923–1941 гг. Владивосток: Изд-во АН СССР, 1984. 244 с.
- Любищев А.А.* Воспоминания о зоологе К.Н. Давыдове (1877–1960) // Из истории биологических наук. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966. С. 105–116.
- Мазурмович Б.Н.* Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, 1960. 223 с.
- Макарова Т.В.* Первые годы становления Петергофского Естественно-научного института // Тр. БиНИИ. 1970. Т. 20. С. 331–342.
- Наумов А.Д.* Профессор Константин Михайлович Дерюгин (1878–1938). Президент Общества в 1938 г. // Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания // Тр. С.-Петербург. об-ва естествоисп. 1993. Т. 91, вып. 1. С. 88–90.
- Невмывака Г.А.* Алексей Алексеевич Заварзин. Л.: Наука, 1971. 206 с.

- Полянский Ю.И.* Годы пережитые. Воспоминания биолога. СПб.: Наука, 1997. 255 с.
- Правдин И.Ф.* Константин Михайлович Дерюгин 1878–1938. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1957. 53 с.
- Рябова В.Н., Смирнов И.С.* Страницы истории науки. Научно-просветительская деятельность К.М. Дерюгина в Петергофе и Стрельне // Материалы VIII научного семинара «Чтения памяти К.М. Дерюгина» / под ред. Н.В. Максимовича, И.А. Стогова. СПб., 2006. С. 66–83.
- Соловьев М.М.* Памяти профессора К.М. Дерюгина // Природа. 1939. № 3. С. 108–110.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Константин Михайлович Дерюгин и Центральный географический музей // Тр. Гос. океаногр. ин-та. 1947. Т. 1 (13). С. 29–33.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло. Т. 2: Революция и послереволюционные годы. М.: Новый хронограф, 2009. 557 с. (Сер. «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Тимонов В.В., Ушаков П.В., Миттельман С.Я.* Константин Михайлович Дерюгин как океанолог // Тр. Гос. океаногр. ин-та. 1947. Т. 1 (13). С. 9–18.
- Ушаков П.В.* Константин Михайлович Дерюгин // Океанология. 1971. Т. 11. С. 926–931.
- Фокин С.И.* Константин Михайлович Дерюгин. На заре XX века // Материалы IV научного семинара «Чтения памяти К.М. Дерюгина» / под ред. Н.В. Максимовича, И.А. Стогова. СПб., 2002а. С. 4–19.
- Фокин С.И.* 45 лет спустя. Дополнения к биографии // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882–1955) // Тр. С.-Петерб. об-ва естествоисп. 2002б. Т. 95 (1). С. 89–124.
- Фокин С.И.* Жизнь есть деяние. К.М. Дерюгин (1878–1938) // Материалы VI научного семинара «Чтения памяти К.М. Дерюгина» / под ред. Н.В. Максимовича, И.А. Стогова. СПб., 2004. С. 5–18.
- Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 380 с.
- Фокин С.И.* Валентин Александрович Догель. Его время, окружение и путешествия // Ваш любящий Валя. Валентин Александрович Догель (1882–1955). Письма домой / под ред. С.И. Фокина. М.: КМК, 2007. С. 23–65.
- Фокин С.И., Смирнов А.В., Лайус Ю.А.* Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М.: КМК, 2006. 130 с.

Unknown K.M. Derjugin

SERGEI I. FOKIN

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; sifokin@mail.ru

The biographical article dedicated to life story and scientific activity of well-known Russian hydrobiologist and zoologist K.M. Derjugin. It is made according to published and unpublished (archive) materials as well as based on interviews with people who knew the scientist. Life story of the scientist is considering from the “living biography” position, where personality of the man is more important instead of enumeration and review of his studies. The biographical article is heralding publication of the daily notes made by Derjugin in 1899 placed in the issue. Many of photos provided in the publication had not been well-known before.

Keywords: K.M. Derjugin, St. Petersburg University, zoology, hydrobiology, marine biology, marine biological stations.